

Ольга Соловьева

Дорога до рассвета

Ольга Соловьева

Дорога до рассвета

«Автор»

2026

Соловьева О.

Дорога до рассвета / О. Соловьева — «Автор», 2026

В книге «Дорога до рассвета» сквозь призму судеб четырёх героев раскрывается правда о войне — не парадная, а будничная, сотканная из усталости, страха и маленьких, но решающих поступков. Медсестра Лида учится превращать милосердие в точный, выверенный труд: её руки помнят каждый шов, а сердце—каждого раненого. Командир Павел взрослеет под грузом ответственности, постигая, что героизм — это не громкие слова, а умение сказать дрожащему бойцу: «Я здесь. Ты не один». Шофёр Семён ведёт полуторку сквозь метель и опасность, а потом передаёт молодым водителям не просто навыки, а целую философию заботы о машине и людях. Девочка Зоя шаг за шагом возвращает себе право на детство, сберегая в себе веру в мирную жизнь. Это история о том, как в кромешной тьме испытаний люди упрямо ткут полотно будущего—через труд, память и простое человеческое тепло, которое оказывается крепче любой брони. Книга о стойкости, взрослении и рассвете, который становится возможным лишь потому, что кто-то не опустил руки.

© Соловьева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Первые сводки	6
Глава 3. Учёба на бегу	7
Глава 4. Первый марш-бросок	8
Глава 5. Первая потеря	9
Глава 6. Госпиталь: время без часов	10
Глава 7. Дорога под огнём	11
Глава 8. Дом без взрослых	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ольга Соловьева

Дорога до рассвета

Глава 1. Июнь, последний мирный вечер

Павел сидел в пустой аудитории, где ещё пахло мелом и старой бумагой. На доске осталась неразборчивая формула с последней лекции по истории — будто кто-то торопился и не успел дописать мысль. Он машинально поправил стопку конспектов: казалось, если вещи лежат ровно, значит, повестка — это какая-то ошибка, недоразумение, которое утром рассыплется. В кармане гимнастёрки, которую он уже приготовил «на всякий случай», лежала расчёска и маленький блокнот, куда он записывал цитаты.

Лида в медшколе стояла перед зеркалом в общежитии и пыталась собрать волосы так, как показывали на практических занятиях по перевязкам: туго, чтобы ни один локон не выбился. Но сегодня это был выпускной, и вместо бинта она накрутила на палец ленту. Подружки смеялись, кто-то путал шаги в вальсе, а Лида всё прислушивалась: не раздастся ли где-то тот самый резкий, чужой звук сирены, о котором шептались на переменах. Она прогнала мысль и заставила себя улыбнуться.

Семён возился с полуторкой ГАЗ-АА у гаража. Машина была старая, но знакомая до скрипа: он знал, где подтекает масло, где стучит рессора, где в мороз капризничает стартер. Он перебирал детали, раскладывал их на тряпице по порядку — так, как учили шофёров на курсах ДОСААФ. Рядом на ящике лежала затёртая инструкция по ремонту двигателя, с загнутыми уголками страниц. Он бормотал себе под нос: «Опять сырость, опять рессоры скрипят... Ну ничего, мы тебя соберём». Он не любил, когда техника молчала: тишина означала, что где-то что-то сломалось.

Зоя сидела на крыльце соседского дома и чинила валенок. Иголка была большая, неудобная, пальцы кололо, но она не бросала: мать уехала в соседний район за мукой, отец ушёл на сборы ещё вчера, и теперь она отвечала за младших. Рядом на верёвке сушились портянки, которые она выстирала хозяйственным мылом до белизны; от них пахло щёлоком и дымом из печки. Она поглядывала на дорогу и думала, что если очень сильно хотеть, чтобы всё осталось как было, то, может, так и случится.

В этот вечер никто ещё не знал, что завтра мир станет другим, а привычные вещи — расчёска, бинт, инструкция по двигателю, иголка — превратятся в инструменты выживания.

Глава 2. Первые сводки

Город проснулся от громкого голоса репродуктора. Чёрная тарелка на столбе хрипела, будто ей было тяжело нести эту новость. Люди собирались кучками, кто-то переспрашивал, будто если повторить вслух, слово «война» потеряет смысл. У почты женщина уронила сумку, и по асфальту раскатились баночки с заготовками — маринованные огурцы, повидло; никто не бросился собирать, все смотрели на репродуктор.

Павел быстро складывал вещи в вещмешок: запасное бельё, портянки, тот самый блокнот, хлеб, завёрнутый в газету. Он сел за стол и написал сестре короткое письмо: «Не волнуйся. Всё будет хорошо». Перечитал и понял, что это звучит фальшиво. Зачеркнул «всё будет хорошо», оставил просто «держись».

Лида шла в военкомат, прижимая к груди папку с документами. В ней лежали диплом, справка о прохождении курсов по перевязкам, фотография группы, где все улыбались, не зная, что через месяц половина исчезнет. По дороге она встретила девушку из соседнего потока — та плакала, пряча лицо в шарф. Лида хотела сказать что-то ободряющее, но вместо этого просто взяла её за руку и так они дошли до угла, где разошлись. В военкомате пахло чернилами и пылью, а на стене висела схема наложения жгута; Лида машинально пробежала по ней глазами, запоминая детали.

Семён получил приказ готовить машину к рейсам: возить снаряды, хлеб, раненых — всё, что скажут. Он осмотрел полуторку, проверил уровень масла, постучал по колёсам, послушал, как отзывается металл. В кабине пахло бензином и табаком; на приборной панели он заметил трещину, которую раньше не видел. «Ничего, — подумал он, — заклеим, доедем». Он достал из ящика инструменты: гаечные ключи, плоскогубцы, моток проволоки, ветошь. Каждый предмет имел своё место, и это успокаивало.

Зоя вернулась домой и первым делом проверила печь: тяга была хорошая, дрова сухие. Она сложила в мешок самое нужное: иголки, нитки, хозяйственное мыло, соль, мешочек с сухарями. Потом села на табурет и стала ждать. Она решила, что плакать будет потом, когда станет совсем невмоготу, а пока нужно делать дела и запоминать, как пахнет дом: дымом, хлебом, старым деревом.

Глава 3. Учёба на бегу

Новобранцев учили за считанные дни. Павел впервые держал винтовку Мосина и удивлялся, какая она тяжёлая и холодная. Инструктор кричал, чтобы они быстрее перекатывались, быстрее вставали, быстрее прятались. Павел запоминал команды, как формулы на лекциях, только теперь от них зависело, будешь ли ты дышать через минуту. Он заметил, как один парень дрожит и не может застегнуть ремень; Павел молча помог ему, и они переглянулись — в этом взгляде было больше слов, чем в любой речи.

Лиду поставили на ночные дежурства в импровизированном медпункте. Она училась бинтовать дрожащими руками, запоминала, как накладывать жгут, как отличать артериальное кровотечение от венозного. Старшая медсестра была строгая, с жёсткими складками у рта, но показывала всё медленно и чётко: «Смотри: вот так, виток к витку, без пустот. Если пустоты — рана загноится. Если слабо — кровь не остановить». Лида повторяла про себя, как заклинание: «виток к витку, без пустот». Она видела, как у раненых сжимаются кулаки, когда больно, и старалась говорить ровно, чтобы голос не выдавал её собственный страх.

Семён показывал новичкам, как глушить двигатель и ехать в темноте без фар. Он объяснял про звук мотора, про то, как он меняется на подъёме, как «поёт» лёд под колёсами, как пахнет перегретый радиатор. Он достал из кармана инструкцию по эксплуатации ГАЗ-АА и водил пальцем по схеме топливной системы: «Смотрите: вот бак, вот фильтр, вот карбюратор. Если заглохнешь — сначала смотри сюда». Он учил их слушать машину, как слушают дыхание больного: по малейшему хрипу можно понять, что не так.

Зоя училась быть взрослой. Она ходила к колодцу за водой, таскала тяжёлые вёдра, стараясь не расплескать ни капли. Вода была ледяная, руки краснели и трескались, но она терпела. Она варила похлёбку из того, что осталось: картошка, лук, горсть пшена. Она делила еду на порции, записывала мелом на стене, сколько осталось запасов. Она заметила, что дети боятся темноты, и придумала правило: пока горит фитиль в керосиновой лампе, никто не плачет. Это было маленькое, хрупкое правило, но оно помогало им дышать ровнее.

Глава 4. Первый марш-бросок

Взвод Павла шёл по размытой дороге. Дождь превратил глину в липкую кашу, сапоги тяжелели с каждым шагом. Кто-то шутил, чтобы не думать о холоде, кто-то молчал, упрямо глядя себе под ноги. Павел считал шаги и патроны, запоминал ориентиры: сломанный телеграфный столб, поваленное дерево, изгиб реки. Он вспоминал лекции о стратегии и понимал, что в жизни всё иначе: здесь важна не теория, а то, как ты держишь винтовку и как смотришь в глаза товарищу.

Они заняли позиции у переправы. Павел осматривал местность, отмечал, где можно укрыться, где будет слепая зона. Он чувствовал, как усталость оседает в плечах, как хочется просто лечь и закрыть глаза. Но он заставлял себя двигаться, проверять снаряжение, говорить с людьми. Он видел, как у одного солдата дрожат руки, и понимал, что это не трусость, а реакция тела на страх. Он подошёл к нему, проверил застёжки на вещмешке, сказал: «Всё нормально. Держись рядом». И сам удивился, как уверенно прозвучал его голос.

Вечером они грелись у костра, который развели из сырых веток. Дым ел глаза, но тепло было настоящим. Павел писал в блокноте короткие заметки: кто как держится, что нужно исправить, какие ошибки они допустили на марше. Он понимал, что эти записи — не для истории, а для того, чтобы завтра они все остались живы. Вдалеке уже слышался далёкий гул артиллерии, ровный и чужой, как дыхание огромного зверя.

Глава 5. Первая потеря

Утром был миномётный обстрел. Павел запомнил звук — сначала свист, потом удар, потом тишина, в которой слышно, как стучит собственное сердце. Один из ребят, который вчера рассказывал смешные истории про свою собаку, не встал. Павел смотрел на него и не мог поверить, что человек, который минуту назад смеялся, теперь неподвижен, а его гимнастёрка распорота осколком.

Он писал похоронку на бланке, который выдали в штабе. Слова «геройски погиб» казались пустыми и чужими. Он хотел написать правду: «Он был добрым. Он боялся, но шёл вперёд. Он хотел вернуться домой». Но в бланке были только графы: фамилия, имя, отчество, звание, дата. Он заполнил их ровным почерком, хотя рука дрожала.

Потом он сел писать сестре. Он начал с бодрых фраз, но быстро понял, что не может притворяться. Он порвал лист и начал заново: «Здесь тяжело. Но мы держимся. Ты держись тоже». Он сложил письмо и спрятал в карман гимнастёрки вместе с первым, разорванным. Он подумал, что эти два письма — как две стороны одной правды: то, что пишут родным, и то, что остаётся внутри.

Этот день стал точкой отсчёта. После него все разговоры звучали иначе: меньше шуток, больше конкретики, каждый взгляд — про проверку, всё ли в порядке. Павел чувствовал, как ответственность меняет его голос и походку, как он становится старше на десять лет за одни сутки.

Глава 6. Госпиталь: время без часов

В госпитале время теряло смысл. Лида не знала, день сейчас или ночь; она ориентировалась по смене медсестёр, по тому, как меняется свет в коридоре, по запахам: йод, карболка, кровь, пот. Она научилась различать оттенки боли по глазам раненых: кто-то сжимал зубы до хруста, кто-то шептал молитвы, кто-то умолял: «Только не ампутируй».

Она запоминала имена, чтобы никто не стал «безымянным». Она писала их мелом на дощечках у коек: «Иван, 23 года, осколочное в плечо», «Пётр, 35 лет, контузия». Она знала, что многие не выживут, но всё равно старалась, чтобы каждый почувствовал: его видят, его слышат, он не один.

Среди пациентов был молодой танкист с ожогами. Его лицо было красным и блестящим, как будто его облили кипятком. Он всё время просил воды, и Лида давала ему по глотку, смачивала губы влажной марлей. Он рассказывал про свой танк, про то, как они прорывались через лес, про запах гари, который теперь ему снится каждую ночь. Лида слушала и кивала, не перебивая, понимая, что ему нужно выговориться, чтобы выпустить боль наружу.

Был ещё пожилой связист, который рассказывал ей про свою пасеку. Он говорил про пчёл, про мёд, про то, как важно не делать резких движений, чтобы их не разозлить. Лида представляла себе этот мир: тёплый, солнечный, наполненный гулом крыльев. Она закрывала глаза на секунду и вдыхала этот воображаемый запах мёда, чтобы перебить запах карболки.

Ночью она выходила на крыльцо и смотрела на звёзды. Она вспоминала, как в детстве считала их, загадывая желания. Теперь она не загадывала, а просто смотрела и думала: «Мы должны это выдержать. Должны». Она слышала, как где-то далеко гудят самолёты, и заставляла себя дышать ровно, чтобы не поддаться панике. Она понимала, что её спокойствие — это тоже лечение, такое же важное, как бинты и лекарства.

Глава 7. Дорога под огнём

Семён вёз хлеб в отрезанный посёлок. Колонна шла ночью, фары выключены, ориентировались по едва заметным знакам на обочинах: белая тряпка на кусте, сломанная ветка, камешки, выложенные стрелкой. Он знал этот маршрут наизусть, но война меняла ландшафт быстрее, чем он успевал запоминать: вчера здесь был мост, сегодня — воронка; вчера дорога была ровной, сегодня — перекопана окопами.

Полупортка шла тяжело: перегружена, рессоры проседали, мотор работал на пределе. Семён чувствовал машину всем телом: как она дрожит на ухабах, как гудит на подъёмах, как затихает, когда кончается бензин. Он прислушивался к каждому звуку, различая в общем гуле то, что могло означать опасность: чужой мотор, свист снаряда, треск ломающихся деревьев.

На середине пути начался налёт. Сначала был звук — высокий, режущий, от которого хотелось закрыть уши и зарыться в землю. Потом в небе вспыхнули прожекторы, выхватывая из темноты белые полосы. Семён прижал руль и считал секунды, пока небо рвалось на части. Рядом машина ушла в кювет, вспыхнула, как спичка. Он почувствовал запах горящего бензина, увидел, как кто-то выскакивает из кабины и бежит, объятый пламенем.

Он остановился вопреки приказу «не тормозить». Он выскочил из кабины, схватил огне-тушитель, который всегда держал под рукой, и побежал к горящей машине. Там были люди, и он не мог просто ехать дальше. Он тушил огонь, вытаскивал раненых, волоком оттаскивал их в кювет. Руки горели, одежда пропиталась гарью, но он не чувствовал боли. Он думал только о том, чтобы успеть, чтобы спасти хоть кого-то.

Когда налёт закончился, он вернулся к своей полупортке. Мотор остывал, пахло перегретым железом. Он проверил колёса, раму, двигатель — всё было цело. Он сел за руль и поехал дальше. Утром он не мог вспомнить, как выбрался, как нашёл дорогу, но хлеб довёз. В посёлке люди выходили к машине, плакали, обнимали его, брали буханки, прижимали к груди, как самое дорогое. Он сидел за рулём и думал, что это и есть смысл его работы: чтобы у людей был хлеб, чтобы они могли жить дальше.

Глава 8. Дом без взрослых

Зоя училась быть взрослой за один месяц. Она колола дрова, стараясь бить точно в сучок, чтобы полено раскололось с первого раза. Она варила похлёбку, следя, чтобы огонь в печи не погас и не разгорелся слишком сильно. Она прятала хлеб в подпол, засыпая его опилками, чтобы мыши не добрались. Она знала, что хлеб — это жизнь, и относилась к нему с почти священным уважением: не крошила, не бросала, делила на равные порции.

К ней приходили соседские дети, и она учила их не плакать громко, чтобы не привлекать внимания. Она придумала игры, которые можно играть тихо: прятки в сениях, складывание узоров из щепок, рассказывание историй шёпотом. Она рассказывала им про далёкие страны, про море, которого никто из них не видел, про корабли, которые плывут по волнам. Дети слушали, затаив дыхание, и на время забывали, что за окном война.

Однажды она нашла в сарае старый инструмент — рубанок. Она не знала, как им пользоваться, но решила попробовать. Она строгала доску, стараясь вести ровно, чтобы поверхность получилась гладкой. Стружка пахла деревом, и этот запах напоминал ей о том, как раньше пахло в доме, когда отец чинил мебель. Она думала, что если научиться делать что-то полезное, то страх будет меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.